

Нескучный сад

1

В Нескучном саду
зиме на беду
пляшут белки.
Устроили посиделки
на скамьях старики.
Вдоль Москвы-реки
ветер шуршит,
гонит самшит,

листья осенние.
Птицы под сенью
Андреевского монастыря
пропадают не зря...
Здесь и приют, и вера
за монашеской дверью.
Из кельи молитва
льётся, и битва
пламенеет вокруг.
В храме — мой Друг
на сухом перекрестье,

на видном месте
в притворе, у входа,
где нет народа.
Он будто в остроге.
У него тёплые ноги
(я сам касался челом).
Мир не пойдёт на слом,
пока Он в дерево врос.
Имя ему — Христос!

2

Имя ему — Христос.
Или я не дорос
говорить Имя вслух?..
Голуби ждут подруг
на кромке из жести.
Люди из мести
гонят их вверх,
туда, где сверх-
человеческий мир,
где синий эфир
клубит над крылами.
Под стеклом и в раме
большая часть людей.
Остальные в виде идей
порхают на небосклоне,
как в дорогом салоне
духи из-под пробки,
оставляя след на коробке
(по сути, его ведь нет).
Один только свет
струится повсюду.
Если слово это забуду
и буквы из памяти вон,
трубите, как слон,
кричите мне в уши —
я буду вас слушать
ночью, утром, в обед —
слово по имени Свет!

3

Слово по имени Свет
спасает от бед.
Он ведь повсюду,
хоть миром Иуда
правит который век.
По саду идёт человек
вместе с присными,
прямо от пристани
на Воробьёвы кручи.
Лес был дремучий
когда-то, небо хмурое.
Листья сизые, бурые
у него под пятой.
Он говорил: «Постой!
Будь в урочище церковь,
и солнце не смеркнет!
Над широкой рекой —
безмятежный покой.
Вижу здесь перемены,
высокие белые стены,
горящий павлиний глаз.
Будет всё, не сейчас...»
Первозванный Андрей
следил снегирей,
их полёт над холмами.
Восхищался дарами:
перья у птиц опрятные,
с красными пятнами.

4

С красными пятнами,
тело тяжёлое, ватное
на раскидистом дереве.
Воины свято верили,
на небо взойдут.
Бились и там и тут
во имя Христа.
Теперь у моста
время как ртуть.

Уже не прячется чудь
по глубоким оврагам.
Нет места ватагам
хана Гирея.
Меняется всё быстрее,
чем скорость света.
По речке летит «комета»,
на мосту электричка...
Чиркает спичкой
какой-то франт,
потом импозантно
тянет худую руку
красивой даме, скуку
прогнать на виду
в Нескучном саду.
А у церковных врат
святой Стратилат,
голос Андрея не слышен
в каменной нише...

5

В каменной нише,
в храме, где воздух пышен
от ладана и свечей,
полно москвичей.
У них на губах елей,
а в молитвах Андрей
Первозванный и Стратилат.
Молятся, у кого брат,
кто за детей и внуков,
чтобы была им наука
на все времена...
чтобы жизнь семена
дала, а кому-то сало,
невестку свекровь признала.
В общем, всё и для всех.

Я прошу — беличий мех,
для белок в саду.
Без меха они пропадут —
красный и рыжий,
и густой, и жиже.
Про снегирей не забуду,
малую ссуду
дают красными пятнами.
Червонными златами
деревья сыплют с листа.
Все поминают Христа...
В Нескучном саду один
пылает рубин.

Рождественская звезда

Я, как Иосиф, стар и сед,
живу в пещере домовой...
и вол-трудяга, мой сосед,
ноздрей вынюхивает след,
воловий бережёт покой.
Его рога смешны до слёз,
они изогнуты судьбой,
вол принимает всё всерьёз,
таскает днём тяжёлый воз,
детишки кружатся гурьбой.
Ему кричат всегда «гей-гей!»
иль окрик раздаётся «стой!»,
а он, понурый, вдоль полей,
вдоль кипарисовых аллей
бредёт в пещеру на постой.
Свисает крепкая узда,
вол ходит мирно, он большой
(зачем тут быстрая езда?!),
в пещере каменной звезда
горит, зовут её душой...

Адмирал Григорович (В подражание футуристам)

Посвящается Кораблю

Фиалки весной. Идёт адмирал...
На фиолетовом солнце люди живут,
у них мириады больших опыхал.
Волна за волной, и девятый вал —
жар обвивает, как хищный спрут.
Солнце — звезда не больше Земли.
Эполеты плывут в ярком свете.
Матросы несут большие кули
словно короны, они — короли;
их души треплет солнечный ветер.
Седой адмирал никогда не грустит,
на солнце огня предостаточно.
Трубка его, как корабль, дымит;
Млечный дымок по небу разлит.
Разноцветных звёзд на груди
до ста точно...

* * *

На Воробьёвых горах
только «ох» да «ах»...
ветер надрывно кричит.
Бьётся в речной гранит
своей бестелесной плотью.
Гонит со злостью
по небу белые перья.
Кто же, зверь — я,
рыжая белка, синица,
побольше какая птица
или кто-то другой?
Кажется, что порой
себя чувствую ветром
или текучим светом,
на осенние листья похоже
под ногой у прохожего.
Свет повсюду струится,

в глазах и на лицах,
фонари на том берегу...
С гор Воробьёвых бегу
через мост, прямо домой.
Дом мой давно пустой,
лишь книги и ворох газет.
В окне там не гаснет свет.

Родной язык

В моём доме пахнет травами,
свет от лампы тихо плавает
над узорчатым столом,
георгин, бамбуков лом...
Дух китайских повелителей
в этой призрачной обители,
нет ни звука за стеклом.
Листьев стрельчатые зелени
гонят прочь ночные темени
острием трехлистных пик.
Я уже давно привык
к тишине и одиночеству.
Все зовут меня по отчеству
за отеческий язык.
В нём есть рифмы стихотворные
и слова всегда проворные,
просторечий стройный ряд.
Фраз божественных заряд
в нём молитвами горит.
Он древнее, чем санскрит,
как в народе говорят.
Русский мой живой язык...
слышен рокот, грозный рык
в громком плаче дошколят,
взрослых маты веселят.
В колыхании ветвей —
дождь и снег, и суховей,
ветер шепчет: «Буди свят!..»

Река

Утром спорят быль и небыль.
Горб горы уходит в небо,
отряхает ночи гнёт,
разогнётся и вздохнёт.
Синий воздух, запах хлеба,
дум и мыслей камнелёт.
Хлеб и Камень — это мзда.
В них зерно, огонь, вода
перемешаны на славу.
Снова битва за Полтаву!
Время скомкало года
своим детям на забаву.
Хлеб насущный и единый.
Мир плывёт на зыбкой льдине,
точно в облаке кристалл.
Святогор на стражу встал,
как на красочной картине.
Неба пламенный овал.
Камень — Бог, земная твердь.
Луч игривый, будто жердь,
все миры соединяет,
над потоком замирает.
Берег левый — это смерть.
Что есть смерть, никто не знает.
Берег правый — жизнь живая,
над рекою нависая...
верх по верху, в небеса.
Вод сплетённая коса
светом на волне играет...
кручи каменной краса.

Парк Саратога

В Саратоге —
белка в тоге,
хвост, как синий парашют.
Скачет, пляшет на отроге,
глянет мельком очень строго,
пробежит то там, то тут
лучше, чем заправский шут.

У шута — колпак, бубенчик,
скороходы на ногах.
А у белки сизый венчик,
и, как истовый кочевник,
прыг да прыг, шарах, шарах.
Белка гонит дикий страх,
только дрожи на усах.
Лихо носится по веткам,
будто юная кокетка,
замирает у ствола.
И потом довольно метко —
хвои острая игла
иль кочевничья стрела —
нападает на соседку.
Вьётся синяя спираль,
от сосны бежит мистраль,
нет, не горный, а лесной.
Укрывает ветер даль,
словно белая вуаль,
оставляя хлад и зной,
след от белок за сосной.

Белая весна

Ну что же ты, моя свирель,
утихла в тишине квартирной.
Там, за окном, слетает бель,
от яблонь свет идёт зефирный.
Свет задержался в облаках,
они — как белые перины.
Их ветер носит на руках,
согнув натруженную спину.
Гоняет пухлые шары,
катает вверх и вниз по сини.
На небе — всадники, шатры,
пиры и солнечные дыни.
Веселье льётся через край,
на то есть веские причины.
На улице белеет май,
игриво смотрится в витрины...